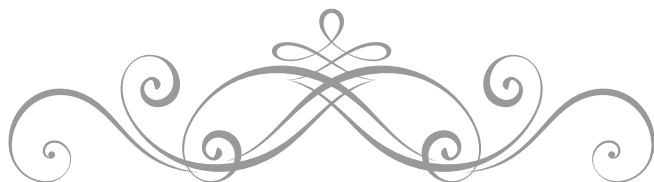
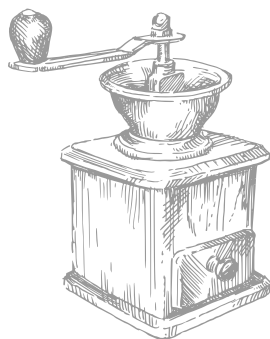

Софья Ролдугина

Кофе для эстетов

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
Р67

Ролдугина, С.

Р67 Кофе для эстетов. Кофейные истории XIV / С. Ролдугина. — М. : RUGRAM, 2025. — 394 с. — (Кофейные истории).

ISBN 978-5-517-13281-9

Ранней весной столица Аксонии утопает в туманах. Но и в глубине клубящейся белёсой мглы бьётся сердце города — страстное, беспокойное. И чем длиннее дни, тем сильнее ускоряется ритм, толкая столичных обитателей на сумасбродные поступки, порой очаровательные, но иногда и жуткие.

Водоворот невероятных событий увлекает и леди Виржинию, подбрасывая одну новость за другой. Закоренелый холостяк, «Доктор Мёртвых», готовится отдать своё сердце бродячей фокуснице. Взбалмошное романское семейство Бьянки приезжает в столицу, дабы примириться с дочерью. В «Старом гнезде» появляется новый повар с весьма необычными привычками, детектив Эллис впервые в жизни познаёт муки ревности, а сэр Клэр Черри, к своему ужасу, неожиданно оказывается в роли советчика по делам любовным!

Но романтическая кутерьма отходит на второй план, когда в Бромли начинает орудовать жестокий убийца, и ниточка от него тянется в особняк на Спэрроу-плейс...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-13281-9

© Софья Ролдугина, текст, 2025
© София Товбина, обложка, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

Кофе для эстетов

*Желаете поразить внезапно нагрянувших гостей тонким,
изысканным вкусом?*

Нет ничего проще!

Вам понадобится френч-пресс на две чашки. К мелко помолотому кофе светлой обжарки — полторы чайных ложки с горкой, не больше — добавьте по чайной ложке сухой мяты и лаванды, щепотку корицевого сахара и совсем чуть-чуть соли, на кончике ножа. Залейте смесь кипятком, дайте настояться и затем опустите поршень.

Готово, кофе для эстетов можно разливать по чашкам!

Что, недостаточно изысканно?

С помощью пружинки взбейте пену из горячего молока и добавьте в чашку так, чтобы три четверти объёма

занимал кофе, а четверть — молотная пена. Украсьте
листочком мяты и парой цветков лаванды,
сверху посыпьте корицей. Вуаля!

Всё ещё слишком просто?

Рядом с ташкой положите книгу на иностранном языке.
Лучше не стихи, это по-мещански пошло,
и не философский трактат — скорее всего,
он окажется слишком пыльным...

Неужели и теперь не то?

Книгу верните на полку. Гостей выставьте за дверь.
Кажется, вам требуется не ташка кофе,
а немного одиночества и покоя.

Наслаждайтесь!

Печальный опыт показывает: стоит вздохнуть с облегчением и сказать себе, что уж теперь-то худшее позади, и можно наконец вкусить покоя и безделья — сразу же водоворот событий закручивается с новой силой и грозит утянуть на дно морское. И неважно, заявляете вы это на городской площади перед толпой зевак или тихо шепчете, отходя ко сну: судьба услышит, запомнит и откликнется со всей изобретательностью.

Целую неделю в феврале после памятного дня рождения я наслаждалась размеренным течением жизни. Фиалки — целые корзины! — благоухали у меня в спальне и в кабинете, постепенно увядая. Помнится, увидев украшенную цветами комнату, Клэр схватился за сердце, а затем два дня изображал смертельно больного, но стойкого и благородного джентльмена с неизменно скорбным и сумрачным челом. Лайзо же ни с того ни с сего стал вдруг немного прихрамывать, а на мои осторожные распросы ответил загадочно:

— Иногда нужно поддаться и открыть спину, чтобы не сделать своим врагом достойного, в общем-то, человека.

— Мы ведь говорили о лодыжке, не о спине?

— Скорее, о родственных связях, — усмехнулся он.

И, конечно, очень бы хотелось продолжить разговор и между делом поинтересоваться, не подрались ли они, как мальчишки... Но такое проявление безудержного любопытства, увы, было бы недостойно леди.

Второй удар и вовсе пришёл с неожиданной стороны — от человека прочнее камня, надёжнее крепостной стены. В последний понедельник февраля ко мне в кабинет постучалась Паола Мариани. Я сразу заподозрила неладное: она была одета непривычно нарядно, в юбку цвета охры с пыльно-зелёным жакетом; серёжки

с тёмным — в тон глазам — янтарём покачивались при каждом движении. Лицо, впрочем, оставалось спокойным, и лишь некоторая насторожённость придавала сходство с давно уже забытым и похороненным «мистером Бьянки».

— Леди Виржиния, перейду сразу к делу, — произнесла она, глядя прямо, будто бы даже с вызовом. — Я бы хотела ненадолго вернуться в Романию и навестить своих родителей. На поездку уйдёт не больше месяца, к концу марта я вернусь.

На самом деле, известие не стало неожиданностью. Паола обмолвилась о примирении с семьёй на следующее утро после того, как «Человек судьбы» обрёл дом под крышей особняка на Спэрроу-плейс. Но затем она, казалось, позабыла о своём желании и ни разу не упоминала о нём даже вскользь. И вот теперь, спустя почти три недели, заговорила вновь — и так уверенно! Словно и не просила у меня позволения, а ставила в известность.

Тем не менее, я не подала виду, что растерялась, и кивнула:

— Думаю, это правильное решение. Если вам понадобится какое-либо содействие — обращайтесь, не раздумывая.

Моё искреннее предложение почему-то её развеселило.

— Нет нужды, — улыбнулась Паола. — У меня уже есть билеты на паром, а на материке я пересяду на поезд. Маркиз Рокпорт был очень добр; он опередил вас и чуть раньше протянул руку помощи.

Я предпочла не заострять внимание на последних словах. Разумеется, мне было прекрасно известно, что Паола Мариани в некотором роде работает на дядю Рэйвена

и держит его в курсе моих дел. Но до тех пор, пока она не переступала незримую черту и деликатно отворачивалась, когда я совершала какой-нибудь рискованный поступок, не совсем подобающий моему положению и воспитанию, мы ладили — и даже больше, пожалуй, были подругами. Маркиз, в свою очередь, явно ценил её высоко... Но всё же его поступок меня удивил — это несколько выходило за рамки обычной деловой любезности.

Итак, Паола покинула Бромли — пусть ненадолго, но столь стремительно, что отъезд несколько походил на бегство. А я, сама того не ведая, осталась наедине с катастрофой — точнее, с тремя катастрофами, ибо в отсутствие гувернантки Лиам в первые же дни наглotalся невиданной с приютских времён свободы и совершенно отбил-ся от рук. А мальчики Андервуд-Черри, увы, подражали ему во всём. Дядя Клэр, так и не простивший нам с Лайзо фиалки в спальне, временно устранился от воспитания маленьких разбойников и благородно предоставил мне возможность метаться между кофейней и домом, выслушивая стенания прислуги и пытаясь спасти от надругательств широкие перила, бархатные портьеры — и вазы, привезённые ещё леди Милдред со всех концов света...

Казалось бы, что может грозить перилам? Но оставьте наедине с ними трёх сорванцов, кастрюлю с тягучим кориичневым сиропом и две ложки — и результат вас удивит. Именно тогда я и услышала впервые, как робкая Юджиния повышает голос. Мальчиков это также глубоко поразило; впечатлений хватило на три дня, а затем на особняк обрушилось внезапное увлечение театром, и портьеры для голубой гостиной пришлось шить заново.

Потом пришли действительно дурные вести, и шалости были позабыты.

Пятого марта — я запомнила день удивительно отчётливо, точно расписав его в воображаемом дневнике по часам — умерла миссис Хат.

«Старое гнездо» закрыло свои двери почти на неделю, в четвёртый раз с самого основания. Георг был совершенно раздавлен; однако именно он пришёл ко мне вскоре после похорон и твёрдым голосом произнёс:

— Леди Виржиния, вы должны нанять нового повара. Роза... Миссис Хат никогда не хотела, чтобы место, которое она любила больше всего на свете, пришло в упадок.

И, хотя на сердце у меня было тяжело, я заставила себя ответить:

— Леди Абигейл рекомендовала одного марсовийца. Стоит хотя бы побеседовать с ним для начала... Кажется, его зовут Рене Мирей.

До сих пор Георг хорошо держал себя в руках, но всё же по лицу его пробежала тень; ему явственно не нравилась мысль, что на кухне «Старого гнезда» станет хозяйничать незнакомец.

— Мистер Белкрафт, — раздался вдруг мягкий, хрипловатый голос, такой болезненно-знакомый и невероятный сейчас, наяву, что дыхание у меня перехватило. — Не стоит бояться перемен.

Мы обернулись одновременно, однако кофейня была пуста; только плыл по воздуху призрачный аромат вишнёвого табака.

Нанять нового повара, к моему удивлению, оказалось отнюдь не просто.

Рекомендациям леди Абигейл я, безусловно, доверяла, но кое-что настораживало. Этот джентльмен, чрезвычайно обласканный похвалами сильных мира сего, Рене Мирей, успел за год сменить четыре места. Всякий раз уходил сам, без ссор и скандалов, однако прежние наниматели не стремились рассказывать о нём — ни хорошее, ни дурное. Миссис Риверленд, вдова текстильного фабриканта Барти Риверленда, которая время от времени посещала «Старое гнездо» исключительно ради встреч со своей давней подругой миссис Скаровски, знала одно семейство, которому успел послужить этот повар. Но и она сумела припомнить немного, буквально несколько фраз.

— Сэр Гордон поначалу очень хвалил его, — сообщила миссис Риверленд и подслеповато заморгала, как всегда делала, пытаясь ухватить нечто, ускользающее из памяти. — Говорил, что особенно ему удавались десерты, но и основные блюда тоже были весьма хороши, за исключением того, что мистер Мирей имел пристрастие к тимьяну и лаванде.

— О, у всякого повара свои причуды, — заметила я и невольно улыбнулась: недавно Георг как раз изобрёл новый рецепт кофе с лавандой и опробовал его нынче утром.

— Несомненно, — согласилась миссис Риверленд, и лицо её стало вдруг беспомощным. — Но потом сэр Гордон перестал его хвалить. Кажется, он упоминал о неких сложностях с характером...

Я, признаться, насторожилась.

— Горничные жаловались на него?

— Нет-нет! — испуганно взмахнула веером она. — Нет, что вы, такое я точно бы не забыла. Там было нечто

иное... Сэр Гордон упоминал, что мистер Мирей остёр на язык и... Ах да! Вспомнила! Он говорил, что у мистера Мирея *странные пристрастия*.

Вдова Риверленд так многозначительно понизила голос, что в одну минуту все рекомендации леди Абигейл показались не стоящими и рейна. Наверное, дружба с Эллисом испортила меня; я сразу подумала о кровавых убийствах и изощрённых преступлениях, описаниями которых грешат дешёвые газеты.

— Прошу, поясните.

— Ах, нечего пояснять, увы! — огорчённо воскликнула миссис Риверленд и распахнула веер, густо расшитый шёлковыми бражниками и бронзовками. — Я так сожалею, что не сумела ничем помочь вам, леди Виржиния. Но, право, если бы мистер Мирей действительно позволил себе что-то дурное или непристойное, сэр Гордон тотчас бы прогнал его сам. Сэр Гордон — человек пожилой, человек очень строгих нравов.

Объяснение меня несколько успокоило. В воображении тут же возникла фигура вздорного, придирчивого старика и несколько взбалмошного марсовийца. Быть может, они просто не сошлись характерами? Случается ведь и такое...

В тот же день я попросила мистера Спенсера связаться с Рене Миреем и пригласить его в «Старое гнездо» для беседы. Управляющий выполнил моё поручение быстро и без осечек, как и всегда, но довольным он не выглядел.

— Этот юноша весьма высокого о себе мнения, — проворчал мистер Спенсер, когда я спросила, что он думает о поваре. — И, кажется, он вовсе не хочет работать. Видал я таких людей. Ему бы всё развлекаться да развлекаться! Какими бы талантами его ни одарила судьба — ничто не